

·thebigbook·

**Книги Кормака Маккарти,
опубликованные Издательской Группой
«Азбука-Аттикус»**

**Кровавый меридиан,
или Закатный багрянец на западе**

•

Старикам тут не место

•

Дорога

•

Пограничная трилогия

Кони, кони...

За чертой

Содом и Гоморра:

Города окрестности сей

КОРМАК МАККАРТИ
ДОРОГА

Санкт-Петербург

Всякий раз, просыпаясь в лесу холодной темной ночью, он первым делом тянулся к спящему у него под боком ребенку — проверить, дышит ли. Ночи чернее преисподней, каждый новый день на толику мрачнее предыдущего. Словно безжалостная глаукома еще только-только зарождается, а мир вокруг уже начал тускнеть. Его рука мягко поднималась и опускалась в такт с драгоценным дыханием. Выбравшись из-под полиэтиленовой накидки, он сел в ворохе вонючей одежды и грязных одеял и поглядел на восток в поисках солнца, которого не было. Ночью ему снился сон. Во сне они бродили по пещере: ребенок вел его, держа за руку. Как пилигримы из сказки, проглоченные гранитным чудовищем и затерявшиеся в его чреве. Пламя их светильника отражалось в мокрых наростах на стенах. Вода негромко журчала в проточенных в камне отверстиях. Трудилась в тишине ежеминутно, час за часом, день за днем, год за годом. Без перерыва. Они ходили по пещере, пока не очутились в каменном зале с черным древним озером. На дальнем берегу сидело какое-то непонятное существо. Оно оторвало морду от воды, так что показалась его мокрая пасть, и уставилось на свет невидящими, белесыми, словно паучьи яйца, глазами. Потом повело головой, будто стараясь унюхать то, чего

не могло увидеть. Бледное, голое, полупрозрачное, припало к земле — алебастровые ребра отбрасывали гигантскую тень на камни позади. Его кишки, его бьющееся сердце. Мозги, пульсирующие в стеклянной колоколообразной черепной коробке. Повертело головой, затем глухо завывло, повернулось к ним спиной и беззвучно и неуклюже ускакало в темноту.

С первым проблеском света он поднялся, и, оставив мальчика досыпать, вышел на дорогу, и сел на корточки, и стал изучать местность к югу от них. Ни души, ни звука, ни следа Божьего присутствия. Решил, что сейчас октябрь, но не был твердо уверен. Очень давно уже не вел календарь. Они двигались на юг. Еще одну зиму здесь не пережить.

Когда стало достаточно светло, он смог в бинокль рассмотреть долину внизу. Все меркло в тумане. Пепел закручивался спиралями на черной поверхности земли. Он внимательно изучал все, что попадало в поле зрения. Участки дороги посреди мертвого леса. Старался не пропустить хоть какое-нибудь цветное пятно, какое-нибудь движение, малейший намек на дым. Опустил бинокль, стянул марлевую маску с лица, и вытер запястьем нос, и опять начал рассматривать окрестности. А потом просто сидел с биноклем в руке и наблюдал, как серый день разливается над землей. Он знал одно — ребенок был его спасением. Сказал себе: «Если он не творение Господне, значит Бога никогда не было».

Когда он вернулся, мальчик еще спал. Стащил с него полиэтиленовую накидку, сложил, и отнес в тележку, и возвратился с тарелками, кукурузными лепешками и сиропом в пластиковой бутылке. Потом расстелил на земле кусок брезента, который служил им столом, расставил еду и тарелки. Достал из-за пояса револьвер, положил его рядом на тряпки и долго сидел, наблюдая за спящим ребенком. Во сне мальчик стянул с лица маску, она затерялась среди одеял. Смотрел на сына и поглядывал на дорогу сквозь деревья. Место было далеко не безопасным. При дневном свете их можно легко увидеть с дороги. Мальчик заворочался в одеялах. Потом открыл глаза.

- Привет, пап.
- Я здесь.
- Я знаю.

Примерно час спустя они уже шагали по дороге. Он толкал тележку. У обоих за спиной рюкзаки с самыми необходимыми вещами. На тот случай, если придется бросить тележку и спасаться бегством. На ручку тележки прицепил хромированное зеркало от мотоцикла, чтобы видеть дорогу за спиной. Подтянул рюкзак повыше и осмотрел вымершую местность. Дорога пуста, в маленькой долине внизу только неподвижный серый серпантин реки. Сухое русло и четкие очертания берегов с зарослями сухого камыша.

- Ты как?

Мальчик кивнул: все в порядке. Пошли. По выжженной земле, взбивая ногами пепел, полагаясь только друг на друга.

Реку перешли по старому бетонному мосту и через несколько миль наткнулись на придорожную автозаправочную станцию. Стояли посреди дороги и внимательно изучали заправку.

— Думаю, надо ее проверить. Все осмотреть.

Трава под ногами рассыпалась в прах. Пересекли разбитую асфальтовую площадку и обнаружили в земле резервуар. Крышки не было; он согнулся, упершись локтями в землю, пытаясь по запаху определить, есть ли там бензин. Запах горючего был едва ощутим. Поднялся и оглядел автозаправку. Шланги колонок, как ни странно, на своих местах. Все окна целы. Дверь в мастерскую техремонта была приоткрыта, и он зашел внутрь. Металлический шкаф с инструментами около стены. Покопался в ящиках, но ничего, что могло бы пригодиться, не нашел. Полудюймовые торцевые ключи в хорошем состоянии. Храповик. Продолжал разглядывать помещение. Железная бочка с мусором. Перешел в соседнюю комнату. Повсюду пыль и пепел. Мальчик появился в дверях. Металлический стол, касса. Старые автомобильные справочники, разбухшие от сырости. Линолеум весь в пятнах, задравшийся там, где капало сквозь дырявую крышу. Он подошел к столу, постоял перед ним. Затем снял телефонную трубку и набрал номер отца из той, прошлой жизни. Мальчик наблюдал за ним.

— Что ты делаешь?

Отойдя уже на четверть мили от этого места, он остановился и оглянулся.

— Мы как-то не подумали. Надо вернуться.

Столкнул тележку с дороги и упрятал ее подальше от чужих глаз. Оставив рюкзаки, они пошли назад к автозаправке. В мастерской он выдвинул из угла железную бочку и вытряхнул из нее мусор. Выудил из кучи пластиковые бутылки из-под машинного масла. Потом они сидели на полу и методично сливали остатки масла из бутылок. Перевертывали их горлышками вниз и оставляли стоять в тазике, пока не набралось с четверть литра. Слил масло в одну бутылку, закрутил пластмассовую пробку, вытер бутылку тряпкой и прикинул на вес. Вот и масло для их крошечного ночника, хватит на долгие серые рассветы и на долгие серые закаты.

— Теперь ты сможешь почитать мне сказку. Верно, пап?

— Да, смогу.

В дальнем конце долины дорога шла по выжженной местности. Обугленные, без единой ветки стволы деревьев подступали с обеих сторон. Ветер гнал по дороге пепел, провисшие оголенные провода между почерневших электрических столбов тихо постукивали в порывах ветра. Сожженный дом на поляне, за ним — бесплодные бесцветные луга и крутые красноватые речные берега с брошенной где попало строительной техникой. На вершине холма какое-то время постояли на пронизывающем холодном ветру, переводя дыхание. Он вопросительно посмотрел на мальчика.

— Я нормально, — сказал тот.

Он положил ему руку на плечо и кивнул в сторону расстилающейся внизу долины. Достал из тележ-

ки бинокль и, не сходя с дороги, поглядел туда, где просматривался силуэт города, темный, словно рисунок углем, на фоне выжженной равнины. Глазу не за что зацепиться. Ни струйки дыма.

— А можно, я посмотрю? — спросил мальчик.

— Да-да, конечно.

Мальчик облокотился на тележку и настроил бинокль.

— Что ты видишь?

— Ничего. — Сын опустил бинокль. — Дождь пошел.

— Да. Вижу.

Они накрыли тележку полиэтиленом и оставили ее в овраге. Сами, огибая черные лесины, поднялись по склону к каменному выступу, который он раньше приметил, спрятались там и стали смотреть, как серые струи дождя секут долину. Холод пробирал до костей. Сидели, тесно прижавшись друг к другу, завернувшись в одеяла поверх курток. Вскоре дождь прекратился, только капли со стуком падали с деревьев.

Когда ветер окончательно разогнал тучи, они пошли к тележке, и скинули полиэтилен, и взяли одеяла и все необходимое для сна. Поднялись на вершину холма и устроились на сухой земле под выступом, а после он сидел, обняв мальчика, стараясь его согреть. Закутавшись в одеяла, смотрели, как надвигается непроницаемая темнота. Силуэт города растворился в ней, будто привидение, и он зажег малень-

кий ночник и поставил его с подветренной стороны. Потом они спустились к дороге, и он взял мальчика за руку, и они пошли на другой склон холма, где дорога добиралась до самого верха, откуда еще можно было разглядеть погружающуюся во мглу местность к югу. Долго стояли в своих одеялах на ветру в надежде увидеть свет костра или лампы. Ничего. Только тусклое пятно света их ночника. Затем вернулись обратно. Костер не разжечь — все отсырело. Пришлось съесть скудный ужин холодным и улечься, пристроив лампу между собой. Он захватил книжку для мальчика, но тот слишком устал.

— А можно, лампа погорит, пока я не усну?

— Конечно можно.

Мальчик никак не мог заснуть. Повернулся и посмотрел на отца. В тусклом свете ночника его лицо с темными разводами от дождя напоминало старинную маску трагика.

— Можно, я у тебя кое-что спрошу? — сказал мальчик.

— Да. Конечно.

— Мы умрем?

— Когда-нибудь. Не сейчас.

— Но мы и дальше будем идти на юг.

— Да.

— Там будет тепло.

— Да.

— Хорошо.

— Что «хорошо»?

— Ничего. Просто хорошо.

— Спи.

- Хорошо.
 - Я сейчас задую ночник, ладно?
 - Да, ладно.
- А затем из темноты:
- Можно, я еще кое-что спрошу?
 - Да. Конечно.
 - Что ты будешь делать, если я умру?
 - Если ты умрешь, я хотел бы тоже умереть.
 - Чтобы не расставаться со мной?
 - Да. Чтобы не расставаться с тобой.
 - Хорошо.
-

Лежал и слушал стук капель в лесу. Голые скалы вокруг. Холод и тишина. В пустоте унылый переменчивый ветер гоняет туда-сюда прах погибшего мира. Перенесет, рассыплет, опять перенесет. Все в этом мире вырвано с корнем, зависло в безжизненно-сером воздухе, все держится на одном дыхании, коротком и слабом. Почему мое сердце не из камня?

Проснулся и наблюдал за наступлением серого дня. Медленного, туманного. Поднялся, пока мальчик спал, надел ботинки и, закутавшись в одеяло, пошел между деревьями. Спустился в расщелину в скале и там присел, скорчившись, долго, непрерывно кашляя. Потом сел прямо на пепел. Поднял голову навстречу сумрачному дню. Прошептал:

— Ты там? Когда мы наконец встретимся? У тебя есть горло, чтоб я мог тебя задушить? У тебя есть сердце? А душа? Будь ты проклят! О, Боже, — прошептал он. — О, Боже.

Город они пересекли на следующий день пополудни. Револьвер, чтобы был под рукой, он положил поверх свернутого полиэтилена в тележке. Мальчишка не отпускал от себя ни на шаг. Город был почти полностью сожжен. Никаких признаков жизни. Машины на дороге засыпаны пеплом, все покрыто толстым слоем сажи и пыли. Окаменевшие следы в застывшей глине. Труп в дверях — сухой, как пергамент. С застывшей гримасой. Он притянул к себе мальчика.

— Все, что ты сейчас запомнишь, останется с тобой навсегда. Хорошенько об этом подумай.

— Но что-то иногда забывается?

— Да, ты забудешь то, что хочешь помнить, и будешь помнить то, что хотел бы забыть.

В миле от фермы его дяди лежало озеро, куда они осенью вдвоем отправлялись за дровами. Он сидит на корме лодки, опустив руку в холодную волну, а дядя гребет. Дядины ноги в детских черных ботинках упираются в перекладыны. Соломенная шляпа. Трубка из кукурузного початка в зубах, тонкая струйка слюны висит в уголке губ. Дядя оборачивается, чтобы разглядеть дальний берег, поднимает над водой весла, вынимает трубку изо рта и тыльной стороной ладони вытирает подбородок. Березы подступают к воде, их белоснежные стволы резко выделяются на фоне темного ельника. По берегу сплошь потемневшие от времени и непогоды вывернутые пни, все, что осталось от поваленных когда-то ураганом деревьев. Сами деревья давным-давно распилены на дрова и вывезены. Дядя разворачивает лодку, склады-

вает весла, лодку несет течением по мелководью, пока днище не начинает скрести по песку. Дохлый окунь покачивается вверх брюхом в прозрачной воде. Желтые листья. Они оставляют ботинки на прогретых крашенных досках кормы, вытаскивают лодку на берег и бросают якорь. Их якорь — заполненная цементом железная банка из-под топленого сала с крючком посередине. Идут вдоль берега, дядя рассматривает пни, попыхивает трубкой, на плече у него — свернутая кольцом грубая пеньковая веревка. Находит подходящий пень. Они его переворачивают и, держа за корни, волокут к воде. Завернутые по колено штаны все равно промокают. Привязывают веревку к поперечине на корме и переплывают озеро; пень медленно тащится за лодкой. Темнеет. Только и слышно что размеренный скрип уключин. Темное зеркало озера и отблески света, загорающего в домах на берегу. Звук радио где-то вдалеке. Плывут, не произнося ни слова. Идеальный день. Из детства. Один из тысячи.

Много недель они упорно двигались на юг. Одни. Гористая суровая местность. Дома из алюминия. Временами сквозь редкую поросль удавалось разглядеть отрезки хайвея внизу. Становилось все холоднее. Стоя в ущелье высоко в горах, они смотрели вперед, туда, где у подножия хребта, насколько было видно, лежала выгоревшая дотла страна. Почерневшие массивы скал среди гор пепла, волны пепла, устремляющиеся вверх и летящие над пустыней. След тусклого солнца, неприметно скользящего в полумраке.

Долго преодолевали этот неприветливый край. Мальчик нашел цветные карандаши и нарисовал на маске клыки. Ни разу не пожаловался, хотя еле передвигал ноги. Одно из передних колесиков тележки расшаталось. Что делать? Ничего. Огонь выжиг землю, про костер можно просто забыть, наступили долгие темные холодные ночи — таких еще не бывало. Холод, от которого трескаются камни. Который отнимает жизнь. По ночам прижимал к себе дрожащего ребенка и в темноте считал каждый его слабый вдох и выдох.

Его разбудили далекие раскаты грома. Сел. Слабые вспышки непонятного происхождения в пелене перемешанного с сажей дождя. Повыше натянул полиэтилен и долго лежал, прислушиваясь. Если они промокнут, просушиться будет негде, и их, скорее всего, ждет смерть.

Ночами он просыпался в непроницаемой темноте. В темноте, от которой болели уши, так напряженно он вслушивался. Довольно часто приходилось вставать. Никаких звуков, кроме свиста ветра в голых обугленных деревьях. Он поднимался и, пошатываясь, стоял в холодном беззвучном мраке, расставив для равновесия руки, прислушиваясь к командам, которые мозг давал телу. Все по заведенному порядку: держаться прямо, не падать, даже если пошатнешься. Широко шагая навстречу пустоте, считал в уме шаги, прежде чем повернуть назад. Глаза закрыты, руки загибают в воздухе. Выпрямился —

навстречу чему? Чему-то безымянному в ночи, прародительнице всего живого, а может, самой утробе земли. По сравнению с ней и он, и звезды просто песчинки. Как огромный маятник качается в такт движению Вселенной, о существовании которой даже и не подозревает. А она тем не менее существует.

Им понадобилось два дня, чтобы пересечь это мертвое пространство. Дальше дорога шла по гребню горного хребта, окруженного со всех сторон вымершим лесом.

— Снег идет, — сказал ему мальчик.

Он посмотрел на небо. Одна-единственная сероватая снежинка планировала вниз. Поймал ее и наблюдал, как она тает на ладони. Будто прощался с последним защитником христианского мира.

Продолжали идти вперед, накрывшись с головой полиэтиленом. Влажные серые хлопья летели из пустоты и кружились в воздухе. Талый снег на обочине. Черная жижа, сочащаяся из-под наносов мокрого пепла. Никаких тебе ритуальных костров на отдаленных вершинах. Скорее всего, приверженцы жертвоприношений уже поубивали друг друга. Никто не проходил этой дорогой. Ни разведчики, ни мародеры. Вскоре они наткнулись на придорожную автомастерскую. Постояли в дверном проеме, глядя, как со стороны гор несутся потоки дождя со снегом.

В мастерской нашлось несколько старых коробок, из которых разожгли на полу костер. Он отыскал